

Мо Фэйюнь, стоя к ней спиной, произнёс ледяным тоном:

— Это ваша семья Чу подстроила ту историю с моей сестрой?

Чу Жоянь не признала, но и не отрицала:

— Почему вы, господин Мо, не считаете, что это ваша сестра сама навлекла на себя беду? Вместо этого вы постоянно подозреваете, что кто-то на неё напал. Похоже, вы всё же немного знаете её характер. Раз уж понимаете, что она сама нажила себе врагов, то с какой стати вы приходите с обвинениями?

— Ваше красноречие, мисс Чу, действительно впечатляет, — Мо Фэйюнь повернулся и медленно приблизился к Чу Жоянь. — Но осмелитесь ли вы, вызвав гнев нашей семьи Мо, взять на себя последствия?

Чу Жоянь почувствовала сильный дискомфорт от его приближения. Её спина уже упиралась в стоящий позади Lamborghini, и если бы она отступила дальше, это выглядело бы как проявление слабости.

Их поза была классическим примером «автомобильного донга».

Мо Фэйюнь внимательно разглядывал её изящные черты лица, и в его сердце вновь возникло странное волнение. Он на мгновение замолчал.

Е Бухуэй, наблюдая эту сцену со стороны, с грустью подумала, что, кажется, снова разрушила романтическую линию главных героев.

Она не хотела этого делать, но всё сложилось именно так.

Впрочем, учитывая, что маленькие муравьи тоже не слишком довольны этим главным героем, разрушила так разрушила.

Судя по текущей ситуации, главный герой скоро, скорее всего, потеряет голову и попытается силой поцеловать героиню — классический сюжетный ход.

Но...

Она мысленно потирала руки, понимая, что сцена с «властным директором», который силой целует героиню, теперь не состоится. Вместо этого настал её черёд спасти красавицу.

Чу Жоянь почувствовала, что их поза стала слишком интимной и неуместной. Она смотрела на Мо Фэйюня, чьи глубокие глаза, словно бездонные, смотрели на неё, а его лицо всё ближе приближалось.

Она уже предчувствовала, что произойдёт, и, не задумываясь о вежливости, толкнула Мо Фэйюня.

Но, как мы знаем, если бы героиня могла так легко оттолкнуть главного героя, не было бы

стольких классических сцен с принудительными поцелуями.

Поэтому, естественно, её действие лишь слегка увеличило расстояние между ними, что только разозлило Мо Фэйюня.

Он подумал: «Тебе не нравится? Ты посмела отказать мне? Тогда я тебя заставлю».

На этот раз его поза стала ещё более агрессивной, и он крепко схватил Чу Жоянь за плечи.

Чу Жоянь нахмурилась, с беспокойством увеличивая усилие:

— Что ты делаешь? Быстро отпусти!

Мо Фэйюнь, конечно, не собирался отпускать, но кто-то другой заставил бы его это сделать.

Е Бухуэй, казалось, была ошеломлена развитием событий, но, услышав голос Чу Жоянь, очнулась и поспешила к Мо Фэйюню.

— Господин Мо, что вы делаете? Отпустите её!

Мо Фэйюнь, не задумываясь, оттолкнул её руку, но Е Бухуэй, схватив его за плечо, с силой оттолкнула его.

Она, казалось, разозлилась, и на её обычно спокойном и остром лице появилось выражение гнева.

— Ведите себя прилично.

Мо Фэйюнь отступил на несколько шагов, и наконец пришёл в себя. Он вспомнил, что, казалось, был одержим, но всё же не признавал, что почувствовал что-то к Чу Жоянь. После того как он успокоился, его охватило ещё большее негодование.

Такой человек, как он, не стал бы размышлять о том, что в его принуждении было неправильно. Наоборот, он считал, что отказ других был величайшей ошибкой.

— Это было лишь небольшое наказание для тебя, — сказал Мо Фэйюнь, его глаза стали ещё темнее, а в глубине зрачков горел скрытый огонь.

Е Бухуэй с невозмутимым лицом ответила:

— Ваш метод наказания действительно своеобразен. Даже уличные хулиганы, пожалуй, ведут себя вежливее, чем вы. По крайней мере, они не станут просто так целовать кого-то.

Мо Фэйюнь испытывал к Чу Жоянь необъяснимое волнение, что позволяло ему проявлять некую снисходительность — как он это понимал. Но к Е Бухуэй у него не было такой терпимости.

Его не волновало, была ли Е Бухуэй настоящей наследницей семьи Чу. Любой, кто осмеливался бросать ему вызов, должен был быть наказан.

Поэтому он поднял руку и замахнулся на Е Бухуэй.

Это была ещё одна классическая сцена. Е Бухуэй подумала, что в оригинальной истории героиня не раз получала пощёчины от главного героя.

Процедура была всегда одна: сначала пощёчина, затем героиню силой укладывали на кровать или другое подходящее место, а затем целовали. Все понимают, что было дальше.

Но Е Бухуэй не считала себя героиней, и даже если бы она играла эту роль, то точно не пошла бы по такому избитому пути.

Поэтому она без колебаний схватила руку Мо Фэйюня, когда он замахнулся, и ударила его по лицу.

Учитывая, что он был главным героем и антагонистом этой истории, Е Бухуэй с заботой рассчитала силу удара, чтобы не оставить на его лице синяка, который мог бы испортить его образ.

Здесь она не могла не похвалить себя за всё более совершенное владение силой. Даже если бы она ударила хрупкого муравья, то не смогла бы случайно убить его.

[Хахахаха, мне так весело!]

[Я тоже!]

[Отлично, великий демон, не иди по шаблону!]

[Да-да, мне надоели эти сцены с принудительными поцелуями. Если это взаимно, ещё куда ни шло, но если отношения ещё не определились, то это просто хамство!]

[Демону подайте холодный напиток!]

[Какая забота, какой расчёт, чтобы не убить его! Ты так хороша, что я, пожалуй, посажу для тебя апельсиновое дерево!]

[Думаю, нам стоит серьёзно обсудить, есть ли у главного героя склонность к домашнему насилию.]

[Ты прав, это домашнее насилие.]

Мо Фэйюнь, конечно, не мог понять заботы Е Бухуэй. Он лишь понимал, что его ударили, и ударила женщина.

Это унижение горело в нём, как огонь, и буря в его глазах уже разгоралась.

Чу Жоянь, увидев это, почувствовала дрожь, потому что взгляд Мо Фэйюня заставил её подумать, что он может убить Е Бухуэй. Она повысила голос и сильно схватила его за руку:

— Господин Мо, успокойтесь!

Но Мо Фэйюнь явно её не слушал. Он, словно разъярённый лев, оттолкнул её и бросился на Е Бухуэй, забыв о любых мыслях вроде «не бить женщин».

— Ты посмела ударить меня. Должен признать, я восхищаюсь твоей смелостью.

Самой спокойной в этот момент была, пожалуй, Е Бухуэй. Она не только не чувствовала волнения, но даже хотела рассмеяться.

Потому что эта сцена идеально подходила для одной классической фразы.

— Я ударила тебя, потому что могла. Разве нужно выбирать для этого день?

Услышав это, Мо Фэйюнь разозлился ещё больше и снова ударил.

Е Бухуэй, казалось, только сейчас осознала, что действительно произнесла эту фразу. Уклоняясь от удара, она сказала:

— Простите, господин Мо, я не хотела вас унижить. Просто ваши слова идеально подошли к этой фразе.

Чу Жоянь в этот момент почувствовала настоящее замешательство. Она смотрела на серьёзное выражение лица Е Бухуэй и не могла понять, шутит ли она или добавляет масла в огонь.

Но независимо от того, объясняла ли Е Бухуэй или иронизировала, ситуация вышла из-под контроля.

Мо Фэйюнь, продолжая биться, постепенно сменил гнев на интерес, потому что с удивлением обнаружил, что Е Бухуэй обладает отличными боевыми навыками. Их удары и блоки шли вровень, и никто не мог одержать верх.

Как это возможно? Как у изящной наследницы могут быть такие навыки?

Ведь ради безопасности он с юности тренировался у профессионалов, и обычные люди не могли сравниться с ним, не говоря уже о том, чтобы парировать его атаки.

Пока его мысли блуждали, их схватка продолжалась, и оба разгорячились, стремясь одержать победу.

В этот момент в хаос вступил ещё один голос.

— Кто тут дерется? Может, и я скажу: хватит драться, идите лучше в танцевальный зал.

Чу Жоянь посмотрела в сторону голоса и увидела растерянное лицо своего брата, Чу Тяньня.

Чу Тяньянь, увидев, что рядом с дерущимися стоит его сестра, а сама драка происходит между Е Бухуэй и Мо Фэйюнем, почувствовал, что жизнь стала сюрреалистичной.

Он замер на мгновение, а затем бросился вперёд:

— Что ты делаешь? Пришёл к нам домой, чтобы обижать мою сестру?

<http://bllate.org/book/15396/1360271>